

Комм. правде - 1990. - 13 репр.

Маэстро без места

ТЕМА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Скоро в Ульяновске случится происшествие чрезвычайное. Из Ульяновска уедет Андрей Бореико, и всем это будет до лампочки. Андрей — дирижер Ульяновского государственного симфонического оркестра. Не главный, а, так сказать, второй, сменный дирижер.

Областное управление культуры два года подряд держит и, может быть, удержит в третий раз переходящее Красное знамя министерства, а этот молодой человек, якобы подлой надежды, рвется куда-то прочь, из-под знамени? Зачем?

— Ладно, брось, — перебивает Андрей, — чай остывает. Пьем чай, вылавливая с дымящейся поверхности «солону».

Андрей буквально на днях из Голландии, и мрачен, когда в пору бы радоваться.

...2 декабря 1987 года Бореико участвовал в международном конкурсе дирижеров имени Г. Фительберга в Польше. Попробовал силы и не посрамил Отечества, став финалистом и получив специальную премию. Узнав о втором международном конкурсе молодых дирижеров имени Кирилла Кондрашина, отправил в Амстердам видеокассету с записью своего выступления. Получил официальное приглашение. Из 264 кассет жюри

отбрало тридцать пять. В их числе — трех дирижеров советских.

— Ежайте, — сказал им мужественный Минкульт. Несмотря даже на то, что конкурс был «опальный». Изгнанный Кирилл Кондрашин, хотя и был великим дирижером, на родине многократно поруган, память о нем старательно вычеркивали... Теперь участие в подобных конкурсах допускается не только в централизованном порядке, позволена и частная инициатива.

И оформлением «частных» документов для выезда за рубеж Минкульт заниматься не стал. Дали вам свободу — выкручивайтесь!

Весь июль Андрей промотался между Москвой и Ульяновском. Какая, к чертям, подготовка к конкурсу — визу бы раздобыть! Отказал в помощи и Фонд культуры. «По знакомству» оформил Андрей паспорт через Всесоюзное музыкальное общество. Друзья чудом достали билет за два дня до конкурса. А деньги? Кто обменяет деньги?

Так и уехал без единого заграничного гроша в кармане. Уехал, измочаленный, выжатый, как лимон, уже ни на что не досадуя, не задаваясь дураческими «почему».

По пути в Амстердам его перехватили друзья, встретили

поезд и вручили небольшую сумму «на пропитание». А организаторы конкурса освободили советских участников от необходимого денежного взноса, помогли подыскать жилье подешевле. При этом тысячу раз извинились. Впрочем, не все и приехали. Третий, ленинградец Андрей Великов, визу так и не получил.

...А право выступить в последнем туре конкурса в зале «Консертгебау» получил только англичанин Марк Уигглсуорт, японец Акихиро Михара и он, Бореико.

Был прием у принца Клауса, мужа королевы Нидерландов Беатрикс. И принц собирался написать про его выдающиеся способности советскому министру культуры. Но в августе министра у нас не было. Андрей только руками развел.

Бореико, не успевший остыть от оваций, ажиотажа, вернулся в Ульяновск, где, в общем-то, особого значения всей этой истории и не придавалось, приехал — и с головой окунулся в нашу общую борьбу за повышение социальной культуры. Вернулся к своей культпросветмиссии, к родным полупустым концертным залам...

Ну отчего такая тоска? «Товарищи! Мы воищем о помощи! — сел как-то и написал Андрей в Фонд культуры. — Если Москва и Ленин-

град еще имеют редчайшие возможности знакомиться с чем-то («Черная маска» Пендерецкого), то провинция лишена абсолютно всего. Сюда не приезжают ни театры, ни дирижеры, ни солисты из-за рубежа, т. е. исполнители экстра-класса. Если каким-то чудом появляется кто-нибудь, то его имя ничего не говорит даже профессионалам... Валюты не хватает. Но ведь и советские музыканты, принадлежащие к мировой элите, по периферии не ездят. Ни Светлана, ни Темирканов, ни Китаенко... Провинциальные оркестры играют на ужасающих инструментах, не имеют укомплектованных нотных библиотек, а сколько пустых мест в оркестрах!»

Написал. Хотя давно известно, что если есть у нас проблемы, значит, сами «недорабатываем»... Художник в долгу у народа. И приучили, что колхозник действительно вправе снимать со сцены спектакль, потому что он народ, а художник — слуга народа.

...А с приездом Андрея Бореико в ульяновской жизни произошли ведь заметные перемены. Появились фантастические концерты, где Андрей выступал в двух ролях — ведущего и дирижера. Дали — де Фалья. Шагал — Мессиа. Или исторические параллели: Бах — Шенберг, Перголези —

Пярт. Открылся, наконец, клуб любителей симфонической музыки, и стали приходить, чтобы поговорить о Бернштайне, Фон Караяне или посмотреть видеозапись «Фальстафа» в постановке Ла Скала.

Чем глубже глубинка, тем глуше, размеренней здесь жизнь. Меньше в киосках газет. Нет толстых журналов в школьной библиотеке. Юноши, носившие черные блузы а ля Модильяни, приходят в какой-нибудь худфонд и скоро приучаются самозабвенно «писать» наглядную агитацию, зарабатывая надежный рубль. Театр озабочен работой общественных распространителей билетов, и даже Дворец книги — прекрасная караимская библиотека — не получает ни одного, даже социалистического журнала, посвященного классической музыке... А люди? Считается, что они все поголовно думают о талонной колбасе, росте преступности и сегодняшней программе ЦТ.

А прения филармонии с райкомом партии?! «Не могут музыканты картошку копать, руки деревенеют». А в ответ: «Когда картошку едят — не деревенеют?»

Да сколько этих историй! Со временем они превращаются в анекдоты, и люди искренне посмеиваются. Хотя все

это и не смешно. Это обычно. Атмосфера такая: провинция. Из глубинки стремятся в столицы за свежим воздухом, свободой, признанием.

Но откуда уезжали Галич, Тарковский, Кондрашин, Войнович? Когда я слышу режиссера Васильева, взывающего о помощи, понимаю, что могу так и не увидеть нашу меншую за границу постановку «Серсо», — я знаю, что столицы бываю провинцией. Не случайно наше искусство — самое кочующее... тоже.

Вот и Андрей Бореико — получил недавно письмо от заместителя министра культуры тов. Казенина В. И., долгожданное письмо. ...Пару лет назад в Ленинграде Андрей познакомился с Леонардом Бернштайном. И тот, проявив заинтересованность и участие в судьбе молодого талантливого музыканта, решил помочь ему: поговорил с организаторами летних музыкальных академий Тэнглвуд в США, где сам маэстро, С. Озава, Г. Рождественский проводят занятия с молодыми дирижерами. И вскоре из Бостона пришло приглашение на имя Андрея. Но от стажировки в конце концов пришлось отказаться. Вступительный взнос в конвертируемой валюте поставил Андрея в тупик.

В августе того же года, будучи в Западном Берлине,

Андрей познакомился с генеральным интендантом симфонического оркестра западноберлинского радио Ульфом Томпсоном. Поинтересовался возможностью стажировки. И господин Томпсон с радостью откликнулся. Тут же написал письмо министру Захарову: отпустите на стажировку! Но почему-то ответа из Минкульту все не было. Тогда господин Томпсон написал в Советский фонд культуры... но и от туда ответа не дождался.

Распечатал Андрей замминистровский конверт и прочитал: «В связи с отсутствием двусторонних планов культурного сотрудничества с Западным Берлином осуществить ваш выезд не представляется возможным».

Послесловие. По Ульяновску расклеены новые афиши. И фамилии Бореико на них уже нет. Андрей все-таки уехал. Свердловская филармония предложила ему место главного дирижера симфонического оркестра.

...А недавно мне рассказали другую новость. Об отъезде подумывает теперь единственный в Ульяновске молодой органист Александр Титов.

Но это уже другая история.

И. ВИРАБОВ.
(Наш корр.).

Ульяновск.